
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 343.7:336.7
ББК 67.408.2+65.262

DOI 10.22394/1682-2358-2021-1-4-48-55

A.G. Kuznetsov, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Police Colonel, Deputy Head of the 2nd Directorate of the Bureau for Coordination of Combating Organized Crime and Other Dangerous Types of Crimes on the Territory of CIS Member States

CRIMINAL RISKS OF CRYPTOCURRENCY AND BLOCKCHAIN TECHNOLOGY USE IN THE CIS MEMBER STATES

The concepts of cryptocurrency and blockchain technology are interpreted, their nature and content are researched. Various approaches to the regulation of digital currencies in foreign jurisdictions and CIS member states are analyzed. The results of comprehensive analysis of the main criminal risks associated with cryptocurrencies use are presented. Characteristic features of these criminal acts are summarized and systematized.

Key words and word-combinations: cryptocurrency, blockchain technology, virtual currency, criminal risks, CIS member states.

А.Г. Кузнецов, доктор социологических наук, профессор, полковник полиции, заместитель начальника 2-го Управления Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (email: kuznesov.andrei66@mail.ru)

КРИМИНАЛЬНЫЕ РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ И КРИПТОВАЛЮТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ

Аннотация. Интерпретируются понятия блокчейн-технологий и криптовалюты, исследуются их сущность и содержание. Рассматриваются подходы к регулированию цифровых валют в иностранных юрисдикциях, государствах – участниках СНГ. Представлены результаты комплексного анализа основных криминальных рисков применения различных криптовалют. Систематизируются характерные особенности таких преступных деяний.

Ключевые слова и словосочетания: криптовалюта, блокчейн-технологии, виртуальная валюта, криминальные риски, государства – участники СНГ.

На протяжении последних лет в мире происходит активное развитие цифровых технологий, которые используются в том числе для создания и продвижения виртуальных активов — так называемых криптовалют.

Торговля криптовалютой осуществляется пользователями в цифровой форме с высокой степенью анонимности. Биткоины могут обмениваться (покупаться или продаваться) на доллары США, евро и другие фиатные (легальные) или виртуальные валюты. Любой виртуальный пользователь может скачать бесплатное открытое программное приложение с веб-сайта для отправки, получения и хранения биткоинов, а также для контроля операций в системе Биткоин. Пользователи также могут получить биткоин-адреса, которые функционируют как счета на сайтах провайдеров-услуг по обмену биткоинов или на сайтах служб онлайн-кошельков.

Безопасность, целостность и актуальность реестров операций с криптовалютой обеспечиваются сетью не связанных друг с другом лиц, которые защищают сеть в обмен на возможность получения произвольно распределяемых комиссионных сборов. Электронный платеж между двумя сторонами происходит без посредников и необратим, поскольку не существует механизма отмены подтвержденной операции или принудительного изъятия. При этом средства никто не может заблокировать, даже временно, за исключением самого владельца. Одна из главных особенностей системы криптовалют — полная децентрализация: у нее нет центрального администратора или какого-либо его аналога. Запущенные на множестве компьютеров программы-клиенты соединяются между собой в одноранговую сеть, каждый узел которой равноправен и самодостаточен. Управление системой, в том числе изменение суммарного количества биткоинов, невозможно [1].

Таким образом, криптовалюты стали новым способом финансового взаимодействия пользователей, с высокой степенью анонимности участников, исключаящей какой-то централизованный контроль и наличие центра управления. Кроме того, виртуальные валюты, как правило, функционируют в рамках сложной инфраструктуры, включающей ряд лиц, часто находящихся в разных странах, обеспечивающих переводы денежных средств и совершение платежей. При этом данные и записи об операциях и клиентах могут вестись и храниться у разных лиц, часто находящихся в различных юрисдикциях, что дополнительно затрудняет их доступность для правоохранительных и регулирующих органов.

Трансграничный характер распространения указанных цифровых финансовых активов в сочетании с их уникальными экономическими и техническими возможностями с высокой долей вероятности предполагают возможность применения криптотехнологий в преступных целях. Одним из первых о криминальных рисках использования продуктов технологии блокчейн упомянул Европол. В своем отчете за 2015 г. он проанализировал тренды оборота криптовалюты и заключил, что наибольшую популярность новые финансовые инструменты приобретают в криминальной сфере (коррупционные преступления, торговля наркотиками, психоактивными веществами и порнографией) [2].

Результаты научных исследований [3–5], осуществленных Научно-консультативным советом при Совете министров внутренних дел государств — участников СНГ показывают, что основные тренды криминального употребления криптотехнологий сопряжены с их использованием в киберпреступлениях; незаконном обороте оружия и наркотиков; вымогательствах, хищениях, легализацией преступных доходов и финансированием терроризма; иными противоправными действиями.

Согласно представленным данным, чаще всего криптовалюта используется как средство расчета на теневых интернет-рынках. Каждый год в мире проводится около сорока миллионов криминальных сделок с использованием криптоалгоритмов. В настоящее время за криптовалюту можно приобрести широкий спектр нелегальных товаров и услуг. Виртуальные деньги используются в сфере незаконного оборота оружия, персональных данных, в торговле поддельными документами, нелегальными лекарствами, порноиндустрии [3, с. 16–17].

Самым распространенным сегментом рынка нелегальных товаров является незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. По разным оценкам, он составляет 80% общего объема. В 95% случаев средством расчетов здесь выступает криптовалюта. При этом масштабы наркоторговли в Интернете с использованием криптовалюты продолжают увеличиваться. Новым трендом является растущее предложение так называемых химических конструкторов, позволяющих пользователю самостоятельно изготавливать наркотики. Согласно имеющимся фактам, оплата этих конструкторов в 100% случаев осуществлялась с использованием криптовалюты [6].

Одним из направлений криминального использования криптовалют является отмывание преступных доходов. Если четыре года назад этот сегмент составлял 5–7% от общего объема криптопреступности, то к настоящему времени он увеличился в восемь раз. По мере расширения потребительского рынка криптовалюты возрастает и количество мошеннических схем и компаний, финансовых пирамид, криптофондов, собирающих с потерпевших средства в виртуальной валюте. В настоящее время криптовалютное мошенничество (фишинг) только начинает развиваться, но, по существующим прогнозам, может увеличиться в ближайшее время более чем в два раза [7; 2].

Согласно авторитетным экспертным оценкам [8], криптопреступность в целом демонстрирует негативную качественную и количественную динамику в корреляции с высокой латентностью преступлений, совершаемых с использованием блокчейн-технологий и криптовалюты.

Вместе с тем до настоящего времени в законодательстве большинства стран мира не выработаны четкие юридические параметры криптовалюты и не установлены границы безопасного обращения различных форм цифровых финансовых активов. Например, в Европейском союзе подход к

криптовалютам дифференцирован. Так, если Франция склоняется к ужесточению политики в данной сфере, то в Германии используются формулировки «единица учета», «частные деньги» и «способ оплаты, принятый некоторыми участниками экономики», и криптовалюты признаны возможным платежным средством. Из всех стран Европы самым либеральным подходом отличается Швейцария, где декларируется создание «криптовалютной нации» [3, с. 11].

В Японии на основании Акта о платежных услугах криптовалюты можно использовать для оплаты услуг и товаров, лицензии выданы десяткам криптобирж. В Гонконге деятельность в сфере криптовалют требует обязательного лицензирования. В эмирате Абу-Даби криптовалюты признаны товаром, ICO считаются инвестициями. Некоторые муфтии Египта и Палестины выступили с заявлением, что криптовалюты относятся к категории «харам», то есть религиозного запрета в исламе, так как имеют признаки элементов азартной игры. В Иране официальные лица высказались о возможности использования криптовалют для обхода наложенных на страну санкций. Венесуэла в 2018 г. продекларировала выпуск криптовалюты El Petro, обеспеченной расположенными на ее территории месторождениями нефти. В Непале, Боливии, Эквадоре, Исландии, Ливане покупка и продажа криптовалюты запрещена [3, с. 11].

В странах БРИКС ситуация складывается следующим образом. В Бразилии в конце 2017 г. начато обсуждение закона, регулирующего сферу криптовалют, однако до настоящего времени закон не принят, регулирование осуществляется путем разъяснений Центробанка и Налоговой службы. В Индии межведомственной рабочей группой при Министерстве финансов разработан законопроект, регулирующий сферу криптовалют, представленный министру финансов в феврале 2019 г. Законопроект предполагает разрешение использования криптовалют, но под жестким контролем. Однако в марте 2020 г. директива Резервного банка Индии (RBI) о запрете подотчетным организациям оказывать банковские услуги криптовалютным компаниям была отменена [3, с. 12].

В Китае закон о регулировании сферы криптовалют вступил в силу 1 октября 2017 г. Законом внесены изменения в Общие принципы гражданского права Китайской Народной Республики. В ноябре 2018 г. суд международного арбитража в городе Шэньчжэне признал, что, несмотря на запрет Центрального банка КНР на торговлю криптовалютами, биткоин должен быть юридически защищен как собственность, имеющая экономическую ценность [3, с. 11].

В Южно-Африканской Республике Резервный банк выпустил справочный документ, подготовленный межправительственной рабочей группой и содержащий рекомендации относительно политики регулирования сферы криптовалют. В 2019 г. документ открыт для публичного обсуждения [5, с. 5].

В США Комиссия по торговле товарными фьючерсами («Commodity

Futures Trading Commission») признала криптовалюту товаром, а Министерство финансов (United States Department of the Treasury) признало криптовалюту децентрализованной виртуальной валютой, поэтому сделки по обмену криптовалют облагаются налогами. Необходимо также отметить, что отношение законодателя к криптовалютам существенно различается в разных штатах. Инициированное в декабре 2018 г. рассмотрение двух законопроектов («Закон о защите прав потребителей для виртуальных валют» и «Закон США о конкурентоспособности рынка виртуальных валют и нормативного регулирования») в настоящее время не завершено. Совет по финансовой стабильности, координирующий финансовое регулирование в рамках группы стран G20, в 2018 г. не считал необходимым организовывать регулирование криптовалют, поскольку «криптовалютные активы в настоящее время не представляют угрозы для глобальной финансовой стабильности», тем не менее ряд рисков, связанных с использованием этого вида валюты в преступных целях, остается [3, с. 12–13].

Сегодня нет единого подхода к законодательному регулированию обращения криптовалют и в странах Содружества Независимых Государств (СНГ). Так, в Азербайджанской Республике, республиках Армения, Молдова, Таджикистан и Узбекистан закон, регулирующий данную сферу, не принят. Республика Беларусь декларирует себя свободной зоной для оборота криптовалют и использования технологии блокчейн, в стране вступил в силу Декрет Президента РБ от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», регулирующий сферу деятельности блокчейн и криптовалют. В Республике Казахстан использование криптовалют в финансовом секторе признается нарушением действующего законодательства, поскольку прямое регулирование криптовалют отсутствует, а информация о разработке проекта закона официальными лицами не распространялась. Аналогичная ситуация, связанная с отсутствием нормативно-правового регулирования оборота криптовалюты, сложилась и в Кыргызской Республике [5, с. 11–12].

В Российской Федерации в рамках реализации соответствующих задач в 2019 г. в Гражданский кодекс РФ введен институт цифровых прав, под которыми понимаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам (ст. 141.1). Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом, возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу [9].

В 2020 г. в целях формирования механизма регулирования обращения цифровых валют в России принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации» [10]. В ст. 1 данного Закона сформулировано понятие цифровой валюты, под которой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

В Законе не дается определение таким неотъемлемым элементам криптовалютного обращения, как криптовалюта, майнинг, токен, смарт-контракт, цифровой кошелек. Тем не менее, исходя из свойства цифровой валюты (это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения) в системе; в отношении цифровой валюты нет лица, обязанного перед каждым обладателем таких электронных данных; она может быть принята в качестве инвестиции или средства платежа, не являющегося денежной единицей), можно утверждать, что в указанном Законе вместо термина криптовалюта используется «цифровая валюта».

Законом установлен запрет на прием товаров, работ и услуг цифровой валютой и на распространение информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты как способе оплаты товаров, работ и услуг (ст. 14). Сделки с цифровыми финансовыми активами следует заключать через оператора, включенного Банком России в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов.

Российская Федерация как участник Международной организации по стандартизации (ISO) осуществляет деятельность по построению стандартов для использования технологии блокчейн и смарт-контрактов в рамках технического комитета комиссии TC 307 (Standardisation of blockchain technologies and distributed ledger technologies).

Таким образом, отношение законодателей к данному явлению в различных странах варьируется от разрешительного и признанного до запретительного и неурегулированного. Есть основания полагать, что в условиях отсутствия правового статуса цифровых финансовых активов и действенной системы их административного контроля, будет возрастать и количество противоправных деяний, совершаемых с использованием блокчейн-технологий и криптовалюты. Правовой вакуум, наряду с популярностью виртуальной валюты, обуславливает увеличение числа рисков применения криптотехнологий как в механизме совершения преступления, так и в сокрытии следов преступной деятельности.

Поскольку криптовалюты, по сути, являются новым способом фикса-

ции перехода прав на какие-либо блага от одного лица к другому, они представляют собой инструмент для конструирования новых способов совершения преступлений. Продолжается переход целого спектра «традиционных» преступлений в виртуальное пространство. Правонарушения, каким-либо образом связанные с криптовалютами и блокчейн-технологией, целесообразно разделять по предмету и способам совершения на три группы. Первая — так называемые традиционные имущественные преступления (разбой, грабеж, мошенничество и др.). При совершении таких деяний будущая сделка купли-продажи криптовалюты либо майнингового оборудования на выгодных для потерпевшего условиях используется в качестве предложения для завлечения жертвы. Майнинг — эмиссия криптовалют, основанная на предоставлении пользователю вознаграждения [11]. Эту группу условно можно разделить на три вида деяний:

— предложение к продаже криптовалюты или майнингового оборудования с последующим завладением денежными средствами либо иным имуществом потерпевшего;

— предложение к покупке у потерпевшего, принадлежащих ему криптовалюты или майнингового оборудования с последующим завладением данным оборудованием либо единицами криптовалюты;

— мошеннические действия путем создания фальшивых электронных кошельков, предназначенных лишь для сбора и последующего присвоения средств потерпевших.

Вторая группа охватывает преступления в сфере компьютерной информации, совершаемые с целью незаконного завладения непосредственно единицами криптовалют. В таких случаях виновные используют вредоносное программное обеспечение для неправомерного доступа к устройствам и персональным данным потерпевших, что в последующем позволяет осуществить транзакцию криптовалюты на ресурсы, подконтрольные правонарушителю [5, с. 5—8].

К третьей группе следует относить причинение имущественного ущерба потерпевшим вследствие незаконного использования принадлежащих потерпевшему вычислительных или электрических мощностей в целях майнинга криптовалют. В таких случаях, поскольку процесс майнинга требует существенных энергозатрат, злоумышленники несанкционированно подключаются либо к электрическим сетям, причиняя ущерб собственникам и эксплуатантам электрических сетей, либо к вычислительному оборудованию. Подключение осуществляется как физически (простое подключение), так и посредством внедрения вредоносного программного обеспечения на устройства или сетевые ресурсы потерпевших с целью использования соответствующих технических мощностей для добычи криптовалюты [12].

Наряду с этим возможность бесконтрольного трансграничного перевода денежных средств определяет высокий потенциал вовлечения крипто-

валют в схемы финансирования терроризма и легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Появление криптотехнологий в денежном обороте, наряду с созданием условий непосредственно для преступной деятельности, несет в себе ряд угроз экономической безопасности, связанных с возможной утратой барьеров для проникновения преступного капитала в национальную экономику с последующим выводом денег в недоступные для фискального контроля юрисдикции. Серьезную экономическую угрозу данный вид правонарушений может представлять в перспективе, если развитие криптовалют сохранит свой темп. В связи с этим все больше актуализируется вопрос о перспективах правового регулирования оборота цифровых финансовых активов и международного сотрудничества правоохранительных органов в этой сфере.

Библиографический список

1. Колчевский И.Б., Кузнецов А.Г. Криминальные риски использования цифровых валют // Содружество. 2018. № 3. С. 40–45.
2. Доклад Группы правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. URL: www.un.org
3. Криминологические риски использования криптовалюты на территории стран Содружества и пути их нейтрализации: аналитический обзор с предложениями / И.Б. Колчевский, А.Г. Кузнецов [и др.]. М., 2020.
4. Криптовалюты на территории стран Содружества: оценка вероятных криминальных рисков и угроз / И.Б. Колчевский, А.Г. Кузнецов. М., 2018.
5. Новые способы совершения преступлений в сфере информационных технологий на территории государств – участников СНГ / И.Б. Колчевский, А.Г. Кузнецов [и др.]. М., 2018.
6. Сидоренко Э.Л. Наркопреступность в сети «Интернет»: современные криминологические тренды // Наркоконтроль. 2018. № 4. С. 13–18.
7. Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. 2014. № 9. С. 69–90.
8. Иванцов С.В., Сидоренко Э.Л., Спасенников Б.А. [и др.]. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции // Научный журнал Байкальского государственного университета. 2019. Т. 13, № 4. С. 85–93.
9. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
10. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч.1). Ст. 5018.
11. Словари и энциклопедии на Академике. URL: dic.academic.ru.
12. О результатах борьбы с преступностью, в том числе организованной, на территории государств – участников СНГ в 2019 г.: аналитический обзор / А.В. Евсеев, А.Г. Кузнецов [и др.]. М., 2020.